

Дошло до того, что на Звёздной сети писали: стоит Гу Юаню оказаться в дурном настроении, как он начинает избивать и бранить всех подряд; тех, кто его разозлил, в лучшем случае ждали тяжёлые увечья и больница, а в худческом — лишение Крыльев насекомого, из-за чего остаток жизни те могли провести лишь инвалидами.

Однако за всё то время, что Чи Мин находился с ним в одной комнате, если не считать поистине ядовитого языка, каких-то слишком возмутительных поступков за тем не наблюдалось.

Чи Мин не удержался, повернулся набок и внимательно окинул взглядом спящего сюнчуна.

Сделав это движение, он с удивлением обнаружил, что бо́льшая часть ран на его теле уже зажила!

На сюнчуне не было шейного ошейника подавляющего типа!

Чи Мин был потрясён.

Тот ошейник наложника-эми, который на него надел Гу Юань, вовсе не обладал функцией подавления физиологических функций цзичуна.

Стоило исчезнуть сдерживающему фактору, как невероятная регенерация цзичуна заработала в полную силу, и его раны исцелялись всего за несколько минут.

Но если дело обстояло так, зачем же сюнчуну понадобилось непременно заставлять его мазать раны?

И всё это было подготовлено Семейю Гу специально для благородных сюнчунов!

Чи Мин бросил на сюнчуна полный сомнений взгляд.

Разумеется, ответа он не дождался.

Чи Мин уставился на спину сюнчуна, снова и снова пытаясь в мыслях постичь, почему тот поступил именно так.

Долгое время ему не удавалось найти ни единой полезной зацепки, и в конце концов он так разлежался, что его одолела дремота.

С самого подземелья Семьи Ваттерман и вплоть до Рынка рабов-самок Чи Мин не имел возможности нормально выспаться.

Его ждали лишь долгие и томительные муки.

Теперь же тепло мягкой постели — пусть даже лежать приходилось на полу — мгновенно погружало его в сон.

Веки тяжело слипались, и Чи Мин, не сумев больше бороться с усталостью, крепко заснул.

На кровати.

Ещё с того момента, как Чи Мин одарил его пытливым и жгучим взглядом, Гу Юань притворился спящим и лежал не шевелясь, пока обжигающее внимание за спиной не пропало и до его слуха не донеслось ровное дыхание цзичуна. Лишь тогда он позволил себе облегчённо выдохнуть.

Изображать подонка-насекомое перед посторонними и изображать подонка перед любимым — вещи совершенно разного порядка!

Он ведь принадлежал к числу тех, кто, стоило ему кого-то полюбить, готов был поднести к ногам этого существа всё самое лучшее на свете!

Это было просто пыткой!

Стоило только вспомнить, что амплуа насекомого придётся отыгрывать ещё долгое время, как ему безумно хотелось бросить эту роль!

Гу Юань осторожно повернулся, окутав цзичуна тонким слоем духовной силы, чтобы заглушить звуки и не дать тому проснуться из-за присущей военным-насекомым бдительности и чуткости.

Лёжа на боку, Гу Юань смотрел на Чи Мина, устроившегося на полу.

Цзичун свернулся калачиком среди постельных принадлежностей, наружу выглядывала лишь голова.

Вымытые волосы ещё сохраняли влагу, подсохли лишь самые кончики, и некогда послушные пряди из-за ворочания во сне растрепались во все стороны, выглядя на удивление забавно и мило по сравнению с тем суровым образом, который этот цзичун демонстрировал всего мгновение назад.

И почему он даже не догадался высушить волосы перед сном?

Гу Юань мысленно ворчал, запоздало соображая, что произошло это, скорее всего, из-за него: заметив, что сюнчун уснул, цзичун просто не имел возможности пошуметь и лёг рядом, чтобы не потревожить его покой.

Ладно, в следующий раз я буду внимательнее, обязательно дождусь, пока твои волосы высохнут, и только потом лягу спать.

Гу Юань принялся теревить и сминать мягкую подушку, всё сильнее смещаясь к краю кровати, пока рука наполовину не повисла в воздухе, после чего он наконец замер.

Устроившись головой на самом краю матраса, Гу Юань дюйм за дюймом обводил взглядом черты лица цзичуна, вновь и вновь убеждаясь: перед ним именно тот самый цзичун, которого он так долго любил.

Цзичун, полюбившийся ему ещё со времён публикации оригинального романа.

Вдоволь, бесчисленное количество раз насмотревшись на него, Гу Юань наконец поддался накатившей дремоте и в полном блаженстве провалился в сон.

Спал он очень чинно, почти не ворочаясь и не сбрасывая одеяло.

Поэтому, когда на следующее утро Чи Мин проснулся и первым делом увидел вплотную придвинутое, сияющее счастливой улыбкой красивое лицо сюнчуна, он замер в растерянности.

Несмотря на пережитые за последние полмесяца ужасы, привычки, выработанные в Военном ведомстве, и не думали исчезать.

Предельно истощённый Чи Мин всё равно проснулся ровно в тот час, когда в Военном ведомстве обычно начиналась утренняя тренировка.

Кратковременные мучения не смогли стереть с него все следы, присущие военному-насекомому, и по сей день он оставался частью Военного ведомства.

В тот самый миг, когда сознание прояснилось, Чи Мин ощутил присутствие другого существа неподалёку.

Его полуприкрытые глаза мгновенно распахнулись, он почти рефлексивно сел и протянул руку к тому месту, где на поясе должен был висеть пистолет.

К несчастью, пальцы рассекли воздух.

В голове молниеносно пронеслись воспоминания, и Чи Мин вспомнил о грандиозных переменах, обрушившихся на него за столь короткий срок.

Здесь и сейчас в одной комнате с ним находилось создание, именовавшееся не иначе как его господин-самец.

Чи Мин сник.

Его напряжённое тело расслабилось.

Взгляд сместился на соседнюю кровать.

Только теперь Чи Мин заметил, что сюнчун прижался щекой к сбившейся в комок подушке и спит на самом краю постели с выражением абсолютного блаженства и счастья на лице.

Разве Гу Юань — из таких сюнчунов?

Чи Мин почувствовал, что его представления о мире дали трещину.

Хотя перед отходом ко сну у Чи Мина и промелькнула догадка: а вдруг Гу Юань вовсе не исчадие ада, и в нём всё же кроется капля тайного милосердия, — это ещё не значит, что он был готов спокойно отреагировать, увидев сюнчуна в столь домашнем и даже... милом обличье.

Чи Мин покачал головой, заставляя себя отвести взгляд.

Сейчас был вовсе не тот момент, когда стоило размышлять о том, что из себя представляет Гу Юань.

По крайней мере, не сейчас.

Лишённый возможности пользоваться любыми электронными устройствами, Чи Мин мог определять примерное время лишь по лучам света, пробивавшимся сквозь неплотно задвинутые шторы.

Согласно заведенному на Рынке рабов-самок порядку,

если покупатель не покидал заведение ранним утром следующего дня, обслуживающие рабочие ждали его за час до обеда. Если же к тому времени клиент всё ещё оставался на месте, персонал готовил для них ланч, заранее предполагая, что сюнчун продолжит проводить время в комнате с наложником-эми, предаваясь неким утехам вплоть до полного удовлетворения.

Что же касается того, почему они не стучались в дверь напрямую,

то это делалось исключительно для того, чтобы не помешать сюнчуну предаваться приятному досугу.

Чи Мин вовсе не собирался задерживаться в этом месте, и если бы представилась возможность, он бы с радостью бросил Гу Юаня здесь и сбежал в одиночку.

<http://bllate.org/book/26730/3201367>